

Полезна ли философия политике?

В последнее время довольно часто приходится слышать, в том числе из уст политиков и некоторых ученых, что нам больше не нужны никакие абстрактные рассуждения, выяснение закономерностей или определение отдельных категорий. Живая, реальная жизнь, действительный политический процесс — вот главное, а теория-де родится позднее из осмысления эмпирической практики.

Политическая теория и политическая практика

Иллюзия освобождения от давящего пресса марксистско-ленинских догм, а также Завороженность своей специфичностью, непохожестью, «особым путем (который привел нас в тупик) оборачиваются недооценкой или третирированием научной теории, высокомерным отказом от мирового, да и собственного исторического опыта. Трудному, но апробированному этим опытом пути развития общественности, который связан с научным преодолением устаревших положений теории, предпочитают облегченный путь понижения теоретического уровня культуры (в том числе и политической). Это одна сторона проблемы. С другой стороны, образующий вакуум научно-теоретической мысли толкает на слепое копирование "чужих" теоретических выводов без реального учета социокультурных факторов. Таковы две крайности, предопределившие амплитуду колебания политического маятника.

Не здесь ли гены таких "монстров" политического творчества, как трехпалатный парламент, подмена понятия "разделение властей" разделением функций институтов власти, или последнее "изобретение" такого же типа - идея местных, региональных партий, коль скоро новым партийным структурам трудно претендовать на общенациональное признание? Вновь и вновь изобретая политические "велосипеды", мы с упорством, достойным лучшего применения, лавируем между провалами и просчетами, зачастую создаваемым именно благодаря скороспелым и не подкрепленным глубоким теоретическим знанием ответам на вызовы текущего момента. Вместе с тем Платон замечал в "Пире", что отсутствие интереса к философии со стороны политиков является, скорее, признаком самодовольного невежества, нежели превосходства истинного знания.

В истории есть немало прецедентов, которые могли бы оказаться для нас весьма поучительными. "Отцы-основатели" американской конституции, которая, кстати, действует уже два столетия и за это время потребовала лишь немногих поправок, писали ее на основе тщательного анализа

Алексеева Т.А. - кандидат исторических наук, заведующая сектором Института философии

РАН.

имевшихся к тому времени политических теорий, прежде всего в трудах Дж. Локка и Ш. Монтескье, изучения истории Рима, концепций великих римлян Полибия, Плутарха, Цицерона, Саллюстия, Тацита и др. Причем именно история Рима и ее политико-теоретическое осмысление сыграли роль своего рода учебника, к которому они обращались в поисках ответа на вопросы: как избежать упадка государства вследствие его коррумпированности? Как добиться, чтобы права человека и властные функции государства не приходили в противоречие? Как сделать, чтобы демократия не превратилась в охлократию, в хаос? Как избежать чьей-либо монополии на власть, будь-то правитель, парламент или народ? Иными словами, они прежде всего искали у классических авторов указания, как избежать судьбы античного мира, т. е. упадка и распада крупных государственных образований, пытались вычленить из их трудов правила или, вернее сказать, механизмы наилучшего построения демократического политического процесса. Выбор поэтому был сознательным: убедившись в правоте Платона, предупреждавшего, что прямая демократия в широких масштабах (кстати, ее аналогом во многом являются наши советы) легко переходит в диктатуру, творцы американской конституции предпочли с самого начала представительную демократию римского типа, атрибутивными чертами которой являются принципы разделения властей и контроля над властью с помощью усовершенствованной системы «сдержек и противовесов». Подчеркну: речь шла о дополнении и развитии уже имевшейся политической теории в соответствии с национальной спецификой и традициями.

Идеи — эмбрион поступков. Теории рождаются как минимум параллельно с развитием реальности. Строить политическую стратегию, руководствуясь лишь здравым смыслом, — дело не слишком эффективное, а, возможно, и опасное. Публицистика же, даже самая яркая и эмоциональная, отнюдь не заменяет теории.

Демократия — это процедурная политическая, экономическая, юридическая система, диктуемая не сиюминутными потребностями, какими бы важными или неотложными они ни казались, а общими универсальными принципами, в основе которых лежит «алгебра», а отнюдь не «арифметика» политической теории. Но проблема заключается в том, что политическую теорию неоткуда взять, так сказать, в готовом виде.

Во-первых, мировым опытом и достоянием прошлого необходимо овладеть, а это требует не только времени, но и профессионального отношения к делу. Поэтому не может не настораживать факт внезапного появления сотен политологов, в одночасье переквалифицировавшихся из преподавателей научного коммунизма и смежных с ним дисциплин.

«Кавалерийский наскок» на теорию политики при весьма поверхностном знакомстве с предметом и почти полным отсутствием необходимой литературы несет в себе неизбежный зародыш профанации дисциплины.

Во-вторых, сам по себе процесс формирования политической теории и в нашей стране, и на Западе еще весьма далек от завершения. Пока нет единого целостного представления о структуре политического знания, предмете отдельных его областей, сложившейся методологии и четко зафиксированных методов исследования. Не сложился еще полностью и понятийный аппарат политической теории. Однако нельзя проходить мимо тех результатов, которые уже доказали свою эффективность и действенность в разные исторические периоды и в весьма отличных социальных и культурных условиях.

История и структура политического знания

Относительно поздно — лишь на рубеже XIX и XX вв. — политология наряду с социологией, психологией и рядом других сфер знания об обще-

стве и человеке отпочковалась от материнского древа философии, в рамках которой со времен античности осуществлялось изучение власти, государства и политического процесса. Поначалу политология выполняла чисто эмпирические задачи, во многом сближаясь с политической социологией. Опираясь прежде всего на позитивизм, она, как правило, не ставила перед собой задач подняться до глубоких теоретических обобщений, выявить общезначимые закономерности, объяснить политические универсалии. Эти проблемы исследователи по-прежнему пытались разрешить в рамках философской традиции.

В результате специализации знания изучение политики оказалось раздробленным между несколькими науками: философией политики, социологией политики, политической психологией и политологией, теорией международных отношений и т. д. Они в основном и составили каркас теории политики. Нисколько не отрицая значения каждой из отраслей политической теории, замечу все же, что наиболее существенное влияние на нее оказывают политология и философия политики.

В нашей стране философия политики как относительно самостоятельная часть философии, так же как и политология, находятся в стадии становления, а точнее, восстановления богатейшей отечественной традиции, почти утерянной за последние десятилетия. Она представлена такими именами, как Вл. Соловьев, Н. Бердяев, П. Новгородцев, К. Кавелин, П. Столыпин и др. При предельной внешней политизированности всех сторон нашей жизни, в сущности, отсутствовал полноценный политический процесс, автоматическая совокупность индивидов как субъектов государства подменяла гражданское общество. В этих условиях на глубокую, постоянно развивающуюся политологию и философию политики просто не было «социального заказа». Пожалуй, единственное исключение составлял комплекс проблем международных отношений, интерес к которым диктовался, прежде всего, задачами прикладного характера. Кстати, по сей день проявляется недооценка значения теории международных отношений как самостоятельной части политологии.

Считалось, что в каких-то самостоятельных политико-теоретических дисциплинах нет потребности, ибо все вопросы, которые они могли бы поставить, в принципе, решены марксистско-ленинской теорией. Правящие инстанции также предпочитали явно волонтаристские решения; попытки ученых дать какие-то теоретические рекомендации к формированию политического курса чаще всего либо не доходили до адресата, либо попросту игнорировались. Немаловажное значение играла и печальная российская традиция неприязни, если не презрения к «умничающим», к интеллигенции вообще. Отнюдь не случайно, что революционеры, уничтожившие власть Николая II, которому, как известно, противно было само слово «интеллигент», с немалым энтузиазмом почти сразу же присвоили интеллигенции эпитет «гнилая».

Не поддавшись соблазну комфорта хорového пения в унисон, отдельные специалисты все же решались ставить вопрос о необходимости развития политической теории как самостоятельной науки. «Борьба за «реабилитацию» политологии,— пишет А. Галкин,— началась на моей памяти в начале 60-х годов со статьи в «Правде» Ф. Бурлацкого, с нашего с Е. Амбарцумовым письма в поддержку высказанных в ней мыслей. Она продолжалась и позже, напоминая нередко возню под ковром, когда видны неясные телодвижения, но что к чему непосвященному оставалось неясным». Несколько позднее возникла Советская ассоциация политических наук, возглавляе-

¹ Г а л к и н А. А. Становление политической науки: от философии политики к политическому моделированию. М., 1991, с. 5.

мая Г. Шахназаровым. Политико-философские исследования, едва прикрытые эвфемизмом «философские проблемы политики», начала осуществлять группа сотрудников Института философии АН СССР под руководством В. Мшвениерадзе. Однако лишь в 1989 г. политические науки как специальность были признаны официально, будучи внесенными в реестр ВАК.

Неудивительно поэтому, что в отличие от философии науки, культуры, религии или истории философия политики во многом и сегодня остается «белым пятном». В культурном сознании общества она сплошь и рядом смешивается с политологией, хотя каждое из этих направлений имеет свой собственный предмет, методологию и задачи исследования. Даже само название «философия политики» по сей день остается либо вообще не включенным в философские словари, энциклопедии и справочники, либо раскрывается неполно, а зачастую и просто неверно, когда часть попросту переносится на целое.

Еще одна сторона проблемы связана с тем, что если политология для советских ученых несет в себе элемент какой-то новизны, то философия политики воспринимается многими прежде всего как политическая идеология, во многом себя скомпрометировавшая. Идеология, как известно, создает такой же фундамент политической практики, как и философия. Более того, и сама философия во многом связана с идеологией и в какой-то степени стимулируется ею. Но если идеология поработает философию (как это и случилось у нас), она неизбежно не только лишается важного подспорья, но создает застывшую, подчас искаженную и предвзятую картину политической реальности, давая ложные, устаревшие или корпоративно интерпретированные установки для политической практики.

Исторические корни традиции философского осмысления проблем политики лежат в философских системах античности, в трудах Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Э. Канта, Г. Гегеля, Дж. Милля, в марксистской теории политики и т. д. вплоть до блестящего созвездия имен рубежа XIX и XX вв. в России и на современном Западе. В истории философии трудно назвать социального философа, который в той или иной степени не затрагивал бы проблем политики, но вряд ли существовали и политические деятели, которые подчас бессознательно не искали бы философской поддержки для обоснования своих программ и действий. Политика была и остается одной из основных сфер приложения философского знания. Политико-философскими исследованиями занят ряд авторитетных научных центров в США, Франции, Италии, Германии и т. д. Как систематизированный академический предмет философия политики преподается в большинстве зарубежных университетов — от Стэнфорда до Калькутты. Поэтому игнорирование этого направления исследований в нашем общественном сознании, безусловно, означает откат назад, потерю не только важного культурного ингредиента, но и весьма значимого практически фундамента, на котором строится демократия.

Философия политики и политология: общее и специфическое

В англо-американской традиции содержание политической философии и политической науки (популярный у нас термин «политология» практически не употребляется) варьируется при сохранении в целом их дихотомического разделения. Например, Ч. Бейтц рассматривает задачи политической теории следующим образом: общедемократическая политическая теория в узком смысле отвечает на вопрос о том, какова наилучшая форма

политического устройства. В широком смысле демократическая теория показывает, каким должно быть идеальное общество².

Политическая наука подходит к изучению политической реальности как в некоей автономной сфере, не требующей философского осмысления. В ее фокусе, как правило, оказываются отдельные части, фрагменты и явления реальности. Доминантой выступает практический результат.

Американский философ К. Мурс в лекции, прочитанной в 1989 г. в Институте философии АН СССР, выделил шесть основных характеристик политической науки, отличающих ее от политической философии:

1. Политическая наука сориентирована на факт, на то, что может быть описано эмпирически. В отличие от политической философии это направление политического знания, как правило, не пытается найти ответ на вопрос: почему так происходит? Вне сферы ее интересов остаются и политические ценности. Она описывает явление, но не дает ему нормативной оценки.

2. Политическая наука рассматривает реальность как процесс. Это так же ограничивает сферу исследования, по существу, снимая вопрос о последствиях. Обращение к анализу всеобщих взаимосвязей политической жизни заменяется вниманием только к видимым политическим действиям. Для политической науки наиболее важным оказывается выявление причинно-следственных связей, причем рассматриваются как предсказывающие, так и предписывающие связи. Но они всегда выводятся из того, что существует в политической реальности. Иными словами, прошлое, настоящее и будущее сводятся к некоему *расширенному настоящему*.

3. Современная политическая наука заменяет эпистемологическое познание анализом убеждений и верований.

4. Начиная с 40-х годов XX в., политическая наука устремилась в сферу методологии, нередко воспринимая ее как самоцель. И хотя это придало ей некоторую философичность, вопросы политического бытия все же остались вне сферы ее компетенции.

5. Она в значительной степени основывается на вероятностном подходе к определению результатов действий.

6. В целом, особенно в США, она по-прежнему носит преимущественно прикладной характер.

Таким образом, по мнению Мурса, политическая наука заменяет знание мнением, онтологию — политическим процессом, рациональные основы человеческой деятельности — результатами. Принципы, обосновывающие политическое существование, бытие и сознание, человеческие ценности и качества, этические основания и сущность политических явлений и процессов, остаются как бы «за кадром». Но очевидно, что абстрактной науки о политике быть не может. Смысл ей придает именно наличная система ценностей. Ценности окрашивают все направления политического знания, даже когда задача предельно заужена, например необходимо разработать инструментарий анализа конкретной конфликтной ситуации.

Ценностный подход сближает политологию и философию политики, но последняя имеет свое специфическое содержание. В англо-американской традиции существует два основных подхода к этой дисциплине, в рамках которых допускается большое разнообразие взглядов и представлений. Эти подходы можно назвать историко-политическим и концептуальным.

Историко-политический подход предполагает рассмотрение политики через сравнительное изучение взглядов политических мыслителей прошлого и настоящего. Именно так построил свое монографическое исследование

² Beitz Ch. Political Equality. An Essay in Democratic Theory. Princeton, Princeton University Press, 1989, p. X-XI.

«Введение в политическую философию» английский философ А. Мюррей³. Аналогичный подход присущ также американским ученым Дж. Соммервиллу и Р. Сантони⁴. Систематизированный курс философии политики включает рассмотрение взглядов Платона, Аристотеля, Макиавелли, Гоббса, Локка, Руссо, Джефферсона, Торо, Милля, Маркса, Энгельса, Ленина, Муссолини, Гитлера, Дьюи и Ганди. С некоторыми вариациями схема построения трудов такого типа остается практически неизменной и у других авторов. Хочу подчеркнуть, что речь идет не об истории политической философии и не об истории политических идей или учений. Замысел авторов иной: представить принципиальную схему становления и развития политических идей в их историко-политическом контексте.

Концептуальный подход предполагает проблемно-понятийный анализ. Существуют как минимум два направления (так считают, например, американские философы Н. Бови и Р. Саймон), по которым политическая философия должна вносить свой вклад в политический анализ. Во-первых, она может разъяснять концепции и аргументы, составляющие политический дискурс. Без анализа таких понятий, как «власть», «права человека», «справедливость», «свобода», трудно вообще понять реальный смысл политических споров и противоречий. Например, легко сказать, что некто обладает каким-то правом. Труднее объяснить, что значит вообще обладать правами и дать аргументированную оценку того, какими именно правами должны обладать люди. Во-вторых, политическая философия, по мнению Бови и Саймона, призвана формулировать, оценивать и вводить критерии для характеристики политического и социального порядка⁵.

Наряду с этим существует и более «узкое» представление о предмете политической философии. Так, Б. Алмонд пишет, что «политическая философия в прошлом интересовалась, главным образом, проблемой принуждения, обязанностями индивида подчиняться и правом государства добиваться согласия. Спектр основных современных исследований политической мысли разворачивается слева направо прежде всего с точки зрения их вклада в эту дискуссию»⁶. В какой-то степени можно согласиться с такой постановкой вопроса. Действительно, отношения между гражданами (индивидами) и властью — один из центральных вопросов политической философии. Но ее содержание отнюдь этим не исчерпывается. Несколько другой, но столь же искусственно «зауженный» подход присущ, и Р. Нозик, утверждающему, что «фундаментальный вопрос политической философии, предшествующий вопросам о том, как должно быть организовано государство, заключается в том, есть ли вообще необходимость в государстве»⁷.

В этой связи следует упомянуть и еще об одной тенденции, присутствующей в западной философской среде и заключающейся в противопоставлении политической философии и марксистской теории политики. Так, западногерманский философ К. фон Баллестрем полагает, что марксизм в принципе нельзя включать в традицию политической философии, развивающуюся от Аристотеля до Х. Арндт⁸. Марксизм, по его мнению, — это критическая теория, а отнюдь не политическая философия. У них разные

³M u r r a y A. R. An Introduction to Political Philosophy. London, Cohen and West, 1959.

⁴Social and Political Philosophy. Ed. by John Sommerville and Ronald Santoni. Gafden City, Doubleday, 1963.

⁵B o w i e N., S i m o n R. The Individual and the Political Order. Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1986, p. 3—4.

⁶Almond B. Philosophy or Sophia: a philosophical Odyssey. Harmondsworth, Penguin Books, 1988, p. 64.

⁷N o z i c k R. Anarchy, State and Utopia. New York, Basic Books, 1974, p. 4.

⁸Ballestrem K. C., Ottman H. Politische Philosophie des 20. Jahrhunderts. Oldenburg,

задачи. Функции политической философии исследователь видит в выяснении тех форм сотрудничества, которые могут избрать люди в разобщенном мире. Политика, соответственно, превращается в искусство создания такого политического порядка, который обеспечит законность, т. е. она не самоцельна, а выступает лишь в качестве средства. Марксизму же, по его мнению, не нужна ни эта задача, ни политика вообще.

Очевидно, что с подобными рассуждениями согласиться трудно. Можно и нужно критиковать марксизм за его недооценку значения накопленного политического опыта, в частности разделения властей, демократических процедур, парламентаризма и т. д., но вряд ли есть основания полностью отбрасывать политико-философское ядро марксистского учения. Существует и накоплен изрядный опыт политологических исследований в рамках марксистской традиции, в том числе и среди представителей «академического» марксизма на Западе. Иное дело, что необходимо различать государственное, авторитарное, бюрократическое воплощение ряда марксистских политических положений в практику «реального социализма» и саму методологию марксистского политического мышления.

Как представляется, философия политики — это составная, относительно самостоятельная часть системы социально-философского знания или социальной философии, которая изучает наиболее глубокие общие основания политической деятельности, власти и политической морали, природы и сущности самой политики, политических ценностей и целей. Иными словами, философия политики — это система знаний, определяющая содержание, характер и формы политической деятельности, власти, политического выбора и ориентации.

Арсенал средств и методов всех политических наук необходим и для более полного и достаточно надежного политического прогноза. Скажем, Россия поставила перед собой задачу перехода к рыночной экономике. Разрабатываются соответствующие экономические программы. Специалисты-политологи и политикопрактики, пытаясь представить себе возможное развитие событий, делают предварительную проработку необходимых для этого политических мер. Но самые лучшие программы и прогнозы могут не привести к положительному результату, если в прогнозе не будут учитываться социокультурные факторы, состояние социального этоса, доминирующий идеал, другие духовные ценности и ориентации. Разработкой этих проблем с точки зрения задач политики и занимается политическая философия. В ситуации острейшего кризиса ценностей (его можно было бы обозначить термином Э. Дюркгейма — «аномия»), дополняемым, с одной стороны, «державной апатией» (т. е. усталостью людей от пресса тоталитарного государства, требовавшего от них слишком долго многих жертв), с другой — кризисом «национальной идентичности» с крайне медленно пробуждающимся российским национальным самосознанием, этот аспект прогноза приобретает, без преувеличения, жизненно важное значение.

В последнее время во многих отечественных публикациях сквозит мысль о том, что для нашей страны более применимым и целесообразным мог бы оказаться опыт Японии, а не Запада, сочетающий в себе коллективизм и модернизацию. Можно, конечно, объяснить результативность японского «экономического чуда» внешними факторами — мощным вливанием американских капиталов, наличием «ядерного зонтика» США, позволившего сэкономить астрономические суммы на военных расходах, выгодами, полученными в результате корейской войны, и т. д. Именно это и делает — с определенным основанием — наука о международных отношениях. Политолог рассмотрел бы политические программы японского правительства, позиции партий и движений, деятельность Министерства внешней торговли и промышленности, превратившегося в «добрую нянюшку» для новых технологий. Но политический философ дополнит все это и еще одним важным

аспектом — анализом воспитанного многовековой культурой специфически японского стремления к совершенству и красоте изделий, что обеспечивает высочайшее качество продукции, а вовсе не одна только — тоже характерная для японцев — способность к имитации и аккумулярованию чужих достижений и др. Он остановится на характере социального этоса, воспитывающего трудолюбие и бережливость, на закрепленных в той же культуре традициях разрешения трудовых споров с помощью компромиссов и почтительности (проникнутой глубоким уважением к коллеге, сопернику), на патернализме и лояльности в духе коллективизма и, конечно же, на таком факторе, как высокое чувство собственного достоинства нации и воля к успеху. Даже столь краткое изложение вопроса показывает, что японская модель не может быть прямо перенесена в наши условия.

Предмет политической философии необходимо рассматривать в единстве с ее традиционными функциями, закрепленными мировым опытом:

— критико-аналитической, предполагающей теоретическое и философское осмысление происходящих в обществе политических процессов, анализ фундаментальных основ политики, исследование универсальных законов и принципов политики и власти, их институциональных и символических форм, человеческого измерения политики, философского смысла основных концепций политических отношений, структур власти, этических и ценностных аспектов политики, ее нравственного содержания. Центральная задача философии политики — определение взаимных отношений государственной власти и общества, создание, по выражению Милля, «двойной узды», сдерживающей и государство, и народ;

— прогностическо-рекомендательной, направленной на формулирование альтернативных целей политического развития применительно к той или иной конкретной ситуации. Попытки заглянуть в будущее всегда занимали видное место в анализе стоящих перед государственными деятелями проблем. Успех или неуспех в предвидении политических событий нередко оборачивается победой или поражением политических замыслов. Речь идет не о простой логической экстраполяции на будущее характерных примет и традиций сегодняшнего дня — для этого подхода будущее обычно оказывается непроницаемым, а о творческом применении выявленных закономерностей и тенденций развития политических процессов с учетом качественных изменений в социокультурной сфере. Опираясь на этот анализ, философия политики дает рекомендации по корректировке и изменению политического курса;

— теоретико-методологической, воздействующей на формирование политической теории, законотворчество, конституционный и демократический процессы;

— просветительно-воспитательной, готовящей политическое сознание к возможным изменениям и преобразованиям в обществе. Просвещение позволяет смягчить возникающие в обществе противоречия между собственным опытом, зачастую догматизированным господствующей парадигмой, и постоянно обновляющимися теориями, рождающимися из соприкосновения с другими парадигмами и традициями, из переосмысления идейного наследия ушедших эпох и чужого опыта. Поэтому одной из важнейших задач политико-философских исследований остается изучение и распространение мирового опыта, сопоставление с ним накопленного теоретического багажа, что способствует формированию новых политических идей и принципов.

Философская интерпретация политики открывает такие стороны познания, которые зачастую оказываются вне сферы внимания политиков-практиков или прагматичных политологов. В свое время видный русский юрист Е. Спекторский писал: «Каким бы банальным ни казалось ежедневное маленькое дело обиходной юриспруденции, даже оно построено на предпо-

сылках чисто философского знания и притом величайшей глубины. В деятельности суда есть и этика, и метафизика, и даже теория познания — словом, вся философия»⁹. То же можно сказать относительно любого политического феномена или деятельности политического института. Политическая теория в результате обогащения политической философией получает возможность яснее сознавать свою собственную сущность.

Нормативные концепции и теории обретают в политической философии философское осмысление. Она исследует, каким образом ценности, идеалы, моральные принципы и т. д., на которых основываются политические теории, получают рациональные основания. Поэтому практически каждый шаг в реализации властных функций — тема политической философии.

Рассмотрение «политических проблем дня» осуществляется на нескольких уровнях анализа. Опираясь на знание эмпирического материала, конкретных явлений и процессов, политико-философская мысль обобщает их, выделяет закономерное, универсальное, общезначимое и вновь возвращается к частным случаям, организуя их и увязывая с системой других политических и социальных ценностей. Соединение философии и политики в единой дисциплине обеспечивает движение от частного к общему и наоборот. Видный английский философ консервативного направления М. Оакшотт, на мой взгляд, весьма точно показал это в своем предисловии к оксфордскому изданию «Левиафана» Т. Гоббса: «Рефлексия политической жизни может иметь место на многих уровнях. Она может остаться на уровне определения средств или быть направленной на рассмотрение целей. Ее побудительный мотив может прямо носить политический характер совершенствования устройства политического порядка ради получения мгновенных выгод или же она может быть связана с практикой не столь прямо, выражаясь в общих идеях. Или вновь, отталкиваясь от опыта политической жизни, она может устремиться к обобщению этого опыта и доктрин. Рефлексия подвержена переходу от одного уровня на другой в неразрывном движении вслед за настроением мыслителя. Политическая философия может быть понята как то, что происходит, когда движение рефлексии принимает конкретное направление и достигает определенного уровня — это отношение политической жизни, ценностей и целей, свойственных ей, к всеобъемлющим концепциям мироздания, которые принадлежат цивилизации»¹⁰. Короче, политическая философия на наиболее высоком уровне абстракции есть рассмотрение «отношений между политикой и вечностью» — извечными проблемами человеческого бытия¹¹.

И хотя уровни рефлексии вполне различимы, здесь наиболее важна сама возможность перетекания мысли с одного уровня на другой в неразрывном движении. Поэтому, утверждает другой английский философ Г. Грэхэм, «рефлексия предмета философии политики на предписываемом уровне, где находятся политические доктрины и принципы, имеет столько же оснований называться политической философией, как и рефлексия на более высоком уровне абстракции, и легитимность движения с одного уровня на другой — это вопрос, который не может быть разрешен в общем и до рассмотрения конкретных аргументов»¹².

Иными словами, это ярко выраженная практическая философия. «Классическая политическая философия,— подчеркивает Л. Стросс,— характеризуется тем, что она прямо связана с политической жизнью. Основные вопросы классической политической философии и то, как она их ставила, не

⁹Спекторский Е. В. Юриспруденция и философия. «Философские основания теорий международных отношений». Вып. 3. М., 1990, с. 139.

¹⁰H o b b e s Th. Leviathan. Ed. by M. Oakshott. Oxford, 1960. Introduction, p. VIII—IX.

¹¹Ibid., p.LXIV.

¹²G r a h a m G. Politics in its Place. A Study of Six Ideologies. Oxford, 1986, p. 10-11.

были специфически философскими или научными; это были вопросы, поднимаемые в собраниях, советах, клубах и кабинетах, в понятной и знакомой форме, по крайней мере, для разумных взрослых людей, проистекали из каждодневного опыта и употребления»¹³. Еще в «Республике» Платона тематическое обсуждение проблемы справедливости было направлено, прежде всего, на разрешение практических вопросов: всегда ли справедливо возвращать то, что взято у другого человека. Аналогичным образом проблема справедливости у Аристотеля в «Политике» рассматривалась в контексте претензий различных классов на управление полисом. Современные политические философы обращаются к тем же проблемам прежде всего в силу необходимости определения границ и сфер вмешательства государства в рыночную экономику и т. п., хотя, разумеется, это отнюдь не единственное направление в этих исследованиях.

Таким образом, изучение философской проблематики политики выполняет двойную задачу: с одной стороны, накопленное в других отраслях политических исследований (например, в политологии или политической социологии) политическая философия рассматривает с философской точки зрения, а с другой — она анализирует, критически оценивает и развивает то наиболее значительное, что дала для изучения политических процессов и явлений философия в целом. Это и определяет ее место и значение среди других наук, изучающих человека и общество.

* * *

Все сказанное выше имеет прямое отношение к решению главной проблемы нашего бытия — *как войти в мировую цивилизацию*. Даже наиболее тщательно проработанные программы этого перехода будут как минимум односторонними, если их авторы, хватаясь за одни области знания, станут чванливо отмахиваться от других. «Политик, мы полагаем,— пишет один из классиков XX в. американский философ Д. Роулс,— смотрит вперед до очередных выборов, государственный деятель — до следующего поколения, философ — в неопределенное будущее»¹⁴. Но лишь сочетание трех этих подходов может привести к подлинному, а не к иллюзорному успеху в политике, способной создать условия для решения названной проблемы.

¹³Cit.: Schaeffer D. Justice or Tyranny? Port Washington, 1979, p. 10.

¹⁴R a w l s J. The Idea of an Overlapping Consensus. Journal of Legal Studies, 1987, Spring, Vol. 7, № 1, p. 24.